

НАТАЛЬЯ КАЛИНИНА

ТАЙНЫЕ ЗНАКИ СУДЬБЫ

СЕДЬМОЙ МОСТ

роман

Команда исследователей паранормальных явлений

Наталья Калинина

Седьмой мост

«Калинина Наталья»

2010

Калинина Н. Д.

Седьмой мост / Н. Д. Калинина — «Калинина Наталья»,
2010 — (Команда исследователей паранормальных явлений)

Существует множество свадебных обычаев. Один из них – проехать свадебным кортежем через семь мостов. Но никто не знает, что седьмой мост лежит между миром живых и миром мертвых и пролитая на нем кровь может открыть таинственные врата... Алевтина, обычная школьная учительница, и не собиралась разгадывать какие бы то ни было загадки и ходить по тонкой грани жизни и смерти. Она хотела тихого семейного счастья со своим избранником. Но судьба распорядилась по-другому.

© Калинина Н. Д., 2010

© Калинина Наталья, 2010

Содержание

ПРОЛОГ	5
ИЛЬЯ	8
ДИАНА	18
ИЛЬЯ	25
ЛЕНА	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Наталья Калинина

Седьмой мост

ПРОЛОГ

– ...Полковнику никто не пиш-ет. Полковника никто не жде-ет... – горланил Василий, фальшиво подпевая саундтреку к культовому фильму «Брат-2». Героя блокбастера, Данилу Багрова, Василий уважал, считал его «правильным пацаном», фильм посмотрел раз пятнадцать, частенько представлял себя на месте Багрова, но в жизни все же мечтал о более скромной роли дальнобойщика.

Василию Орешкину исполнилось двадцать семь лет, и шесть из них он провел за баранкой «Газели», трудясь в должности водителя маршрутного такси в областном городе. Работа была хорошей, любимой, но, кружа шесть лет по одним и тем же улицам, складывающимся в маршрут «23-К», Василий чувствовал себя карусельной лошадкой. Однообразные пейзажи, примелькавшиеся лица пассажиров, одна и та же частота радио, повторяющиеся из часа в час песни – все это порядком осточертело. Все чаще и чаще возникали мысли о том, что надо бы что-то изменить в этих замкнутых в кольцо буднях, сойти с деревянного диска карусели и отправиться по вольным дорогам за рулем уже не раздолбанной «Газели», а внушающей уважение своими габаритами фуры.

Мир посмотреть, себя показать...

Дорога была пустой и прямой, без поворотов, без спусков и подъемов, раскатывалась ровно, словно рулон сукна. Диск с музыкой из фильма «Брат-2», бесконечная лента лесопосадки, безоблачное небо с алой полосой заката на горизонте – и так легко вообразить, что сидит Василий не за рулем микроавтобуса со снятым на время выходных номером маршрута, а крутит баранку огромной машины. И едет не в деревню к тетке невесты, пособить той с переездом в город, а везет ценный груз куда-нибудь в страны Европы.

Проскакав по выпуклостям и выбоинам растрескавшегося асфальта под возмущенное дребезжание плохо пригнанных дверей, «Газель» удовлетворенно притихла, когда выехала на чернеющий новым покрытием участок пути, и покатила настолько плавно, насколько позволяли ей преждевременно износившиеся рессоры. Василий никогда не ездил по этой дороге, если и уезжал из города, то не забирался так далеко, почти до границы с другой областью. Оксана, невеста, объяснила, как добраться до места, но, несмотря на это, Василий волновался, не сбился ли он с пути. И только увидев указатель с названием деревни Кедровники, упомянутой девушкой в качестве ориентира, приободрился. Ему оставалось проехать населенный пункт, пересечь длинный мост и свернуть на втором повороте в деревню Глухари, где и проживала тетка.

За окном уже мелькали уныло поблескивающие непромытыми окнами деревянные домики деревеньки, вытянувшейся вдоль трассы, когда Василий увидел голосующую девушку. Что-то в облике незнакомки показалось ему странным, неправильным. Парень затормозил на обочине, перегнулся через пассажирское сиденье и открыл дверь:

– Куда тебе, подруга?

Девушка не ответила, молча подобрала юбки длинного белого платья и, уже заняв место рядом с Василием, неопределенно махнула рукой.

– Прямо? – переспросил парень.

И девушка кивнула.

Только сейчас, разглядев пассажирку, Василий понял, что в ее облике показалось ему необычным: одета она была в свадебное платье, изрядно испачканное и местами разорванное.

Подол до черноты вымаран землей, юбка, казавшаяся намокшей (здесь Василий очень удивился, потому что уже несколько дней стояла сухая погода), также до пояса измазана грязью. На лифе кое-где оторвались стеклянные бусины, и ниточки, торчавшие на их месте, потемнели. Свадебная прическа девушки растрепалась: украшенный шпильками со стразами пучок съехал набок, выбившиеся из него волосы повисли неряшливыми сосульками. Личико невесты было миловидным, но его привлекательность портила гротескно размазанная косметика и сильная бледность.

– Э-э... сестра. Кто же тебя так? – только и смог вымолвить потрясенный Василий, нажимая на педаль газа. Незнакомка не ответила, лишь зябко поежилась и потеряла ладонями оголенные плечи. Похоже, ее знобило, несмотря на июльскую жару, почти не спавшую к вечеру.

– Замерзла? Ну, ты даешь!

Он остановил машину, нагнулся и вытащил из сумки, стоявшей в ногах у пассажирки, джинсовую куртку, взятую на случай вечерней прохлады.

– На, укутайся, – сказал Василий, набрасывая джинсовку на плечи девушки.

Та опять промолчала, лишь кивнула в знак благодарности. Но даже не повернулась, продолжала отрешенно смотреть прямо перед собой. Парень еще раз бросил взгляд на притихшую незнакомку и покачал головой. Бедняга! Что же с ней приключилось? Сбежала из-под венца, как героиня Джулии Робертс? В какие передряги попала? Может, упала куда, в ту же речку, например? Или ее кто, не дай бог, избил и обидел? Да нет, следов побоев не видно.

– Что с тобой случилось, сестра? – снова спросил Василий.

Но девушка без слов покачала головой. По ее щеке поползла слеза. Но она ее даже не смахнула.

– Ладно, не хочешь, не говори. Хотя... Может, тебе к врачу надо? Или в милицию? Я, если что, сопровожу.

Пассажирка вновь отрицательно качнула головой.

Еще пару минут ехали в напряженном молчании. «Во что я ввязался?» – запоздало думал Василий, не зная, как поступить. Девушка не говорила, куда ее везти. Но дорога пока шла без ответвлений.

Когда они миновали последний дом и указатель с перечеркнутым названием деревни, невеста встрепенулась, подалась вперед и принялась напряженно вглядываться в дорогу. «Кажется, скоро попросит остановить», – с некоторым облегчением подумал парень.

– Поворачивай... – вдруг тихо вымолвила пассажирка. Василий бросил на нее недоуменный взгляд: дорога все так же раскатывалась сукном, шла прямо, без поворотов.

– Поворачивай! – настойчиво, уже громче повторила девушка. И вдруг, срываясь на визг, закричала: – Сворачивай! Сворачивай!!!

И в этот момент на дорогу прямо под колеса выскочила невеста откуда взявшаяся кошка. Василий, чтобы не наехать на нее, резко вывернул руль, машина сделала крутой вираж и съехала правыми колесами в колею.

Василий стукнулся головой и на какое-то время потерял сознание, будто кто-то выключил свет. А когда открыл глаза, не сразу понял, где находится и что произошло. Он лежал на боку, в неудобной позе, нелепо задрал ноги. Над головой, будто люк, виднелось окно, и в нем – кусочек потемневшего неба. «Перевернулся», – догадался парень.

Кое-как ему удалось выбраться из заваленной на правый бок «Газели». И только очутившись на воздухе, вспомнил о странной пассажирке. «Девушка!» – метнулся Василий обратно к микроавтобусу, с запозданием понимая, что, находясь пассажирка в кабине, он бы придавил ее своим телом. Выбраться самостоятельно при таком раскладе она не могла, но, однако же, непонятным образом исчезла.

Василий почувствовал неприятный холодок вдоль позвоночника: приключение ему явно не нравилось. Может, он уснул за рулем, и незнакомка в испорченном свадебном платье ему

лишь приснилась? Хотелось бы так думать. Но Василий обнаружил в кабине машины свою джинсовую куртку, которую, как помнил, упаковал в сумку, а потом вытащил, чтобы укутать ею озябшую девушку.

– Чертовщина какая-то, – пробормотал парень и поежился, как совсем недавно невеста. Но раздумывать над загадочным происшествием не стал, так как услышал шум приближающейся машины.

– Стой, стой! – закричал он, бросаясь к дороге и размахивая руками.

Через час его «Газель» вытащили из кювета. О том, что произошло, Василий умолчал, так как до сих пор не был уверен в том, что пассажирка ему не померещилась.

ИЛЬЯ

– ...Тунгусский метеорит... Бермудский треугольник... Снежный человек... Это все избито. Как и всякие там НЛО. Впрочем, про «летающие тарелочки» я уже писал, причем трижды. И про магические круги на полях. Так-так-так, а здесь что?.. А, привидения. Черт, про них я тоже рассказывал – четыре раза, если не пять. Про странные телефонные звонки и контакты с умершими – тоже. О, даже про шаманов из Бурятии! Как я мог забыть... – бормотал себе под нос Илья Шахов, просматривая файлы в рабочей папке на ноутбуке. И чем меньше оставалось неоткрытых файлов, тем более расстроенное выражение принимало его лицо. Опять – творческий кризис из-за отсутствия интересных тем! Вести еженедельную колонку в «желтой» газете «По лабиринтам Зазеркалья» от имени вымышленного «охотника за привидениями» Ивана Шапкина становилось все сложнее и сложнее: казалось, уже не было ни одной темы, на которую бы не написал Илья за полгода. Все с меньшим и меньшим энтузиазмом он брался за эту еженедельную работу, которая поначалу являлась для него отдушиной и скрашивала тоскливые будни менеджера по продажам в страховой компании.

Дело не в том, что не осталось интересных тем. Сочинить какую-нибудь занятную историю с уклоном в мистику Илье было не сложно: за полгода существования рубрики он уже изрядно поднатерел в выдумывании всяких тайн и их «разгадывании». Но ему больше не хотелось фальшивых загадок, а мечталось о настоящем расследовании, как минувшей весной.

Илья открыл последний файл – свою статью о том самом феномене, названном им «лики на стенах». Пожалуй, это был его лучший рассказ, на который его вдохновила не столько сама история, сколько перемены в жизни, которые она за собой повлекла. Благодаря тому расследованию Илья встретил Варвару, она была его студенческой любовью, с которой расстался семь лет назад, обрел сына, о существовании которого не подозревал, и новых друзей – Евгения, Алевтину, Диану. <Далее эта история читается в книге Н. Калининой «Загадка старого альбома».>.

Но теперь все очерки, которые он писал, в сравнении с тем рассказом казались ему фальшивыми и неинтересными. Реальных бы историй, реальных! А может, сделать паузу – «отправить» выдуманного Ивана Шапкина в отпуск, как ушел два дня назад сам Илья. Написать редактору, честно признаться в том, что он, Илья Шахов, берет тайм-аут до середины августа, чтобы поехать с любимой девушкой в Карелию. А там, как знать, может, карельские пейзажи вдохновят его на серию новых статей?

Эту поездку Илья предвкушал уже долгое время. Не любитель пассивного отдыха и курортов, он мечтал об экспедициях, как во времена учебы на геофаке. Как хорошо, что Варвара в этом плане его понимает! И пусть на поездку удалось выделить лишь неделю, потому что Варя потратила часть своего отпуска еще весной, но зато эти семь дней обещали стать фантастическими. Сын уже неделю пребывал вместе со школьным другом в детском лагере отдыха в Болгарии. Это была его первая поездка, в которую он отправился без матери или бабушки, и Варя за него очень волновалась, хоть для своих семи лет мальчик был довольно самостоятельным, да и звонил ежедневно – сообщал, что у него все в порядке. Эти звонки немного успокаивали Варвару.

Из коридора послышался рингтон мобильного. Чьего – его или Варвариного, Илья не разобрал, но, судя по тому, что на вызов ответила Варвара, решил, что ее. «Але? Але? – говорила Варя, видимо, связь была неважной. – перезвоните!»

«Может, сын?..» – подумал Илья, прислушиваясь, не раздастся ли звонок. Подождал немного и вновь вернулся к разбору файлов в папке со статьями.

Нет, ничего не придумывается... Все мысли – о предстоящей поездке. Илья закрыл папку и вошел на сайт, посвященный красотам Карелии. Еще два дня, и они с Варей в компании друзей, таких же любителей дикого отдыха, отправятся в поездку.

Опять зазвучал мобильный, и вновь ответила Варя. Илья насторожился: поздние звонки на ее телефон обычно не сулили ничего хорошего. Это означало, что звонят Варваре с работы с какой-нибудь проблемой. Варя работала в одном из НИИ и так была предана науке, что могла помчаться в свою химическую лабораторию по первому же звонку даже в выходной день. И вот сейчас, услышав звонок, Илья заволновался, потому что завтра они с Варварой планировали съездить в торговый центр – купить недостающее в дорогу, пообедать в ресторане, а затем, по возвращении домой, собрать рюкзаки и остаток вечера провести за просмотром фильмов. «И никакой работы!» – строго наказал Илья любимой, которая порывалась и завтрашний вечер потратить на перевод какой-то статьи.

Но, похоже, это был сын, потому что голос Вари зазвучал нежно, вопросы она задавала с присущим матерям беспокойством.

И точно.

– Звонил Илюшка, – сказала, входя через какое-то время в комнату, она.

Шахов сделал оборот на стуле, поворачиваясь к Вале.

– Говорит, что все у него в порядке. По дому еще не скучает, купается, загорает, играет в футбол, ухаживает за девочкой из отряда...

– О как! – удивленно вскинул брови Илья. – Первая любовь в семь лет? Переплюнул отца! – Сам Илья впервые влюбился в восемь.

– Но ему помимо этой девочки оказывают внимание еще три, – с усмешкой добавила Варя. – Так что понятно, почему сын не скучает по дому: в такой «цветник» попал! Боюсь, станет таким же ловеласом, как и его папочка.

– Но-но! – возмутился Илья. Ну да, в юности романов у него было много, девочкам он нравился еще с начальной школы. Но сейчас-то, сейчас он – примерный семьянин! И женился бы на Варваре хоть завтра, если бы она на его неоднократные предложения руки и сердца не отвечала насмешливо, что замужем уже была и во второй раз – не торопится.

– Или искателем приключений, как ты: Илья с восторгом сообщил, что на следующей неделе планируется какой-то поход с ночевкой. Кстати, перед сыном на твой мобильный кто-то позвонил, – сменила тему Варя. – Я схватила твой телефон по ошибке, думала, мой звонит. Но в ответ – тишина и лишь чье-то недовольное сопение.

– Ленка, – с нескрываемым раздражением предположил Илья. Его бывшая девушка, с которой он расстался весной ради Вари, до сих пор не могла успокоиться. Звонила, надоедала, меняла номера, чтобы он сразу ее не вычислил, писала эсэмэски с просьбой о встрече, даже угрожала.

– Встретился бы ты с ней, – сочувственно предложила Варвара. – Объяснил бы по-хорошему...

– Бесполезно. Что толку ей объяснять, если она не хочет этого понимать? Разговаривал уже, не один раз. Уповаю лишь на то, что ей в итоге надоест терроризировать меня звонками и она переключится на другой объект.

– Как знаешь...

– И вообще, Варь, выкинь это из головы! Лена – не твоя проблема. Мы с тобой через два дня уедем и будем так сча...

– Илья, – перебила его Варвара и опустила глаза. Виновато, словно собираясь сообщить что-то неприятное.

– Что случилось? Говори уже, – нетерпеливо, с некоторым раздражением поторопил он ее, потому что Варвара с трагичным выражением лица молчала. А сердце сжалось в комок от предчувствия. – Тебя вызывают в лабораторию завтра, в субботу?

– Нет. Хуже. Мне не дают недельного отпуска. Вернее, дают, но не сейчас, а в конце августа.

Илья потрясенно замолчал. Заготовленная фраза вылетела из головы.

– Илья, я понимаю, как тебе важна эта поездка, – стала оправдываться Варя. Шахов поморщился: он терпеть не мог, когда она начинала говорить таким виноватым тоном. – Но обстоятельства сложились так, что я не могу сейчас оставить лабораторию. Сидоркина оказалась беременной, а наше производство отнюдь не полезно для будущей мамочки. Так что она берет больничный с понедельника. А Кузовлева только-только ушла в отпуск и вернется в августе. В общем, лабораторию оставляют на меня.

– Ее всегда на тебя оставляют! – сердито воскликнул Илья и вскочил с места – лишь бы Варька больше не стояла напротив него с таким виноватым видом.

– Илья, пожалуйста, не сердись...

– Да не сержусь я, не сержусь! – проворчал он отнюдь не миролюбиво.

– Сердишься!

– Сержусь! Не на тебя, на твоих работодателей. Хотя на тебя тоже следовало – за твою безотказность и неумение сказать «нет».

– Илья...

– Ладно, звоню Сереге, говорю, что поездка отменяется.

– Ты можешь поехать! Компания-то не только из нас и Сереги состоит.

– Куда я без тебя? Да и кто тебя будет забирать из лаборатории, а? Ведь ты там точно будешь до самой ночи сидеть, знаю тебя! Угораздило меня связаться с такой химичкой-фанатичкой!

Варя невольно улыбнулась. Они окончили один университет – педагогический, но разные отделения. Он – географический, она – химический. Для него жизненно необходимо было пространство, разливающееся морями-океанами, расстилающееся степями и устремляющееся ввысь горами. Варин же мир был размером с лабораторию. Две противоположности, Илья и Варя, уже не могли существовать друг без друга.

– Илья, обещаю, что ту неделю отпуска, которую я получу, проведу только с тобой и Илюхой. Поедем, куда только пожелаешь, хоть на край света, хоть на Луну полетим!

– Не обещай того, в исполнении чего не уверена, – нравоучительно произнес парень, но уже без прежнего раздражения. Что взять с Варьки, если она такая? С химией она обвенчалась еще в студенческие годы, и он об этом знал. Разница состояла лишь в том, что сейчас, в тридцать лет, Варвара стала с еще большим фанатизмом относиться к своему делу.

– Во-первых, мой отпуск к тому времени закончится. Во-вторых, ту неделю ты точно посвятишь подготовке перед своей защитой. Так что никуда мы с тобой не поедем, будем сидеть в загазованной Москве, рассматривать пейзажи на фотографиях и мечтать о том, как было бы здорово пойти куда-нибудь в поход. И максимум, на что сподобимся, – съездим в одни из выходных в Царицыно или Коломенское.

Варвара горестно вздохнула, признавая его правоту, и суксилась.

– Ладно, ладно, – примирительно пробормотал Илья, обнимая девушку и привлекая ее к себе. От стриженных волос Варвары пахло травяным шампунем, и этот запах напомнил ему об их студенческом романе семилетней давности. То ли девушка в то время пользовалась шампунем с похожим ароматом, то ли ассоциацию вызвало то, что их знакомство состоялось летом, напитанным густыми пряными запахами скошенной травы, сена, меда, яблок. Впрочем, собственно роман между ними вспыхнул немного позже, осенью, но летом, во время сессии, они познакомились, проболтали час в студенческой столовой о каких-то глупостях и разошлись, не обменявшись телефонами. Варвара Илье сразу понравилась, хоть и показалась ему слишком заумной, серьезной, строгой. Помнится, Шахова поразили ее огромные синие глаза и длинные золотистые ресницы. Варя же, наоборот, не отнеслась к Илье серьезно: он являлся, по ее мне-

нию, излишне легкомысленным, болтливым, ненадежным, к тому же она была наслышана о его многочисленных любовных романах. А осенью они вновь встретились в стенах университета, и между ними вдруг вспыхнул роман, разгорелся со скоростью распространяющегося по сухой траве огня и был таким же жарким, опасным, уничтожив все их принципы и намеченные ранее планы. Почему Илья выделил из всех девушек эту строгую, немного занудную, до гробовой доски преданную науке, отнюдь не похожую на него – ветреного, избалованного женским вниманием, слишком легко сбрасывающего в то время ответственность, будто натерший плечо походный рюкзак, – он и сам не знал. Но прикипел к Варьке всем сердцем так, что даже спустя семь лет после расставания все еще продолжал вспоминать девушку с грустью и сожалением о том, что их отношения резко оборвались. Но вот теперь они снова вместе.

– Знаешь, что, – сказал Илья. – Собирайся! Поехали гулять!

– Уже поздно, – попробовала возразить Варя, но с улыбкой, давая понять, что предложение ей нравится.

– Ну и что? Прокатимся по ночной Москве, съездим на Воробьевы горы, а потом – в ресторан. Идет?

Вместо ответа девушка обрадованно кивнула.

* * *

Удивительно, как жизнь изменилась почти в одно мгновение. Это случилось в тот период, когда, казалось, разочарование прочно поселилось в душе, сердце накрепко захлопнуло створки, законсервировав уже мертвую и потому не представляющую ценности жемчужину – единственную и не сложившуюся давнюю любовь к Илье Шахову, а во взгляде потухли надежда и ожидание.

В жизни тридцатидвухлетней Алевтины Сапоговой, преподавателя русского языка и литературы, все шло так монотонно, будто ежедневно без отступлений от расписания по одним и тем же путям проходил состав из одинаковых вагонов. Или словно изо дня в день проигрывался один и тот же мотив, надоевший, скучный, не доставляющий радости, лишь вызывающий досаду, как мелодия, выставленная на будильнике. Подъем в шесть тридцать, умывание, завтрак – мюсли с обезжиренным кефиром, безликий серый костюм, такой же опостылевший, как и будни, или розовое трикотажное платье (уже потом обозванное подругой Дианой «кошмарным сном текстильной фабрики» и безжалостно отправленное ею на помойку), уроки, проверка сочинений и глубокий сон. Выходные отличались от будней лишь тем, что облачалась Аля не в костюм или платье, а в черные брюки классического кроя и джемпер и вместо школы отправлялась в городской парк, где совершала обязательный двухчасовой моцион. А вечером опять же проверяла школьные тетради и составляла конспект уроков на неделю.

Все так и шло, размеренно, как часы, пока на пороге ее квартиры неожиданно не появился Илья Шахов, «привет из прошлого», и с ним ворвался в ее жизнь ветер перемен. Во-первых, Илья втянул Алевтину в интересное и необычное расследование, в ходе которого у девушки обнаружились способности медиума. Во-вторых, благодаря этой истории у Али появилась новая подруга – соседка Диана. И в-третьих, и это и было самым главным, Шахов привел домой к Але своего приятеля Евгения, в которого Алевтина влюбилась без оглядки и за которого собиралась теперь замуж.

Все еще непривычно ощущать себя невестой. Хотя предложение Евгений сделал ей еще месяц назад, а свадьба была назначена на сентябрь, и подготовка к ней уже шла полным ходом. Непривычно... Но как радостно! Алевтина украдкой покосилась на сидевшего рядом с ней Женю и, поймав его взгляд, смущенно улыбнулась. Женька, ее Женька – любимый, близкий. Она нащупала его ладонь и крепко сжала, будто боясь, что парень вдруг исчезнет, как сон поутру.

– Устала? – заботливо спросил Евгений. Дорога была долгой и утомительной, да еще по жаре. Но Алевтина энергично покачала головой: как можно устать, если время в компании любимого человека сворачивается до мгновения, а Женя старается сделать путь интересным и легким – все время развлекает Алевтину рассказами и печется о ее удобстве.

Это было их первое путешествие. И пусть отправились они не на модный курорт и не в туристическую поездку за границу (еще представится такая возможность, и не одна!), а всего лишь в провинциальный городок к родственникам Евгения, это нисколько не умаляло радости события. Напротив, напитывало его символичным смыслом, так как лишний раз подтверждало серьезность Жениных намерений: целью поездки было представление Евгением своей невесты близким родственникам и приглашение их на свадьбу.

– Они простые и душевные люди, тебе понравятся! – в который раз повторил Женя, заметив, что Аля заметно разволновалась после его слов, что они уже подъезжают к городу. – А дядька так вообще мировой!

Со слов Жени, дядя Валерий должен был встретить их на автовокзале районного города, а потом на своей машине довезти до поселка, в котором проживал с семьей – женой и двумя сыновьями.

И если Алевтина волновалась, то сам Евгений заметно оживился, тянул шею, выглядывая в окно, возбужденно рассказывал об улицах и объектах, мимо которых они проезжали, и радостно улыбался.

– Они же для меня как родная семья! – немного смущенно оправдывал он свою непоседливость. – Я с раннего детства до окончания университета один месяц летних каникул обязательно проводил с ними! Рос вместе с Игорем и Русланом, а дядя Валера и тетя Света для меня все равно что вторые родители!

Алевтина, невольно заразившись настроением парня, почти перестала волноваться и тоже улыбалась, то высматривая в окно приближающийся автовокзал, то бросая взгляды, полные нежности, на Женю.

Он не был красавцем, как герой ее давних девичьих грез Ильи. И внешне не соответствовал тому идеалу принца, который Аля когда-то себе мысленно нарисовала (темноглазый брюнет, красивый, как киноактер, высокий, ловкий, в меру мускулистый...). Женя был невысок, полноват, с простым круглым лицом, главным достоинством которого являлись небесного цвета глаза, а недостатком – излишне крупный нос с широкой переносицей. Пшеничные волосы Евгения были подстрижены просто, ровно по всей длине, без намека на какую-либо модную прическу, что делало гладкое и розовощекое, как у ребенка, лицо еще более круглым. Но хоть Женя и совсем не походил на придуманный когда-то Алевтиной образ, любила его девушка до умопомрачения. Да и как его не любить – такого заботливого, домашнего, уютного и сдобного. Жизнь с ним обещала быть такой же доброй, размеренной, полной согласия и тихого счастья.

Они были очень похожи – такие же аппетитно круглые и пухлые, как свежие булки, которые Аля, помня о том, что Женя вначале «влюбился» в ее стряпню, а потом – и в нее саму, пекла для любимого очень часто. Оба грезил о спокойном домашнем счастье, размеренном и чистом, как тихая река, – с будничными разговорами за ужином о прошедшем дне, обменом впечатлений о прочитанных книгах и вместе просмотренных в районном кинотеатре фильмах, с выпечкой и семейными обедами из трех блюд по выходным, с воскресными прогулками по парку. Оба сошлись на том, что у них будет двое карапузов.

– Не помню, говорила ли я тебе, что в этой области, недалеко от районного города, проживает моя тетка – старшая мамина сестра, Вита? – спросила Алевтина, глядя в окно.

– Да. Ты сказала, что давно ее не видела.

– Мама навещает ее раз в год – помогает управляться с огородом, а я все как-то не доеду... – повинулась Аля.

– Если желаешь, мы в какой-то день съездим навестить ее. До города ходит автобус, минут сорок пути.

– Было бы здорово! – обрадовалась Аля и в порыве чувств обняла Женю.

Дядя Валера и в самом деле оказался мировым дядькой! Встретил на перроне, расцеловался с ними с таким радушием, будто с родными детьми, со всеми почестями усадил в старые «Жигули» и, прежде чем тронуться в путь, вручил «молодежи», как он сразу стал к ним обращаться, увесистый пакет с бутербродами и пластиковыми бутылками с холодной водой, чтобы они смогли утолить жажду и голод. Внешне Валерий был похож на запорожского казака: крупного сложения, хоть невысок, лыс (правда, без знаменитого хохла), круглолиц, с густыми черными бровями, выгнутыми крутыми дугами, черноглаз, со здоровым румянцем во всю щеку и, что, собственно, и навеяло ассоциации с казаками, являлся обладателем длинных смоляных усов, свисающих по обе стороны подбородка. Даже одевался он в народном стиле: в вышитую свободную рубаху без ворота, выпущенную поверх темно-синих шаровар.

По пути Валерий старался не досаждать разговорами, хоть и было заметно, что не терпится ему расспросить Евгения о его родителях, столичной жизни и обстоятельствах знакомства с Алевтиной. Но дядька правильно решил, что за время пятичасовой дороги по жаре в выдавшем виды автобусе молодежь устала.

«Как же хорошо!» – думала Аля, глядя в окно на тянущуюся ленту густой лесопосадки, иногда обрываемую распаханными или, напротив, густо заросшими травой полями. Мелькавшие за окном пейзажи были похожи на подмосковные, но с той лишь разницей, что шоссе не ограничивалось с обеих сторон частными хозяйствами. «Ни пробок, ни безалаберных водителей, вихляющих из полосы в полосу у тебя перед носом, ни «аромата», которым обдают из выхлопных труб грузовики и автобусы. Одним словом, не Москва и не подмосковная трасса», – радовалась Алевтина. Раньше девушка редко выезжала в Москву из своего подмосковного городка. А с тех пор, как стала встречаться с Евгением, поездки в столицу стали нормой: то в кино, то в театр, то на какую-нибудь выставку, то просто погулять по улицам. Пользовалась Аля то автобусом, то маршруткой, иногда, когда приходилось возвращаться поздно, такси, поэтому в полной мере испытала на себе сложности с движением по подмосковным шоссе.

Правда, покрытие дороги оставляло желать лучшего, но в сравнении с московскими пробками это уже казалось мелочью.

Хоть Аля по рассказам знала, что родственники Жени живут в поселке городского типа в квартирной пятиэтажке, ей представлялся одноэтажный бревенчатый домик, выкрашенный по ее «прихоти» в травянисто-зеленый цвет, с белыми резными рамами и черепичной крышей. Во дворе, огороженном штакетником, при входе стоит будка, и в ней – собака устрашающих размеров, но на самом деле добрая и ласковая, как щенок. А на заднем дворе, за огородами, бродят в поисках семян упитанные куры. И хоть в доме есть водопровод, воду иногда набирают в темно-синей колонке, находящейся на улице. Это воображалось Але, именно так представляющей тихое счастье и благополучие. Что может быть прекрасней жизни в деревне! В мечтах она вставала рано, чтобы купить трехлитровую банку коровьего парного молока у соседки, а в лавке – пышную, еще горячую буханку, которая, если ее сжать, тут же пружинисто выпрямляется. И ломти хлеба обязательно дырчатые, а не мелкопористые, как хлеб, продаваемый в ее городке. Летом можно бегать на речку или танцевать под теплыми ливнями босиком. Осенью – ходить за грибами и потом солить их в бочках, мариновать или жарить вместе с луком и картошкой. А то и вовсе печь пироги с грибной начинкой! А потом...

– О чем задумалась? – услышала Аля тихий смеющийся голос Евгения, вздрогнула и заморгала, как после внезапного пробуждения.

– Да вот, Женечка, размечталась о том, как хорошо иметь домик в деревне! А что, может быть, когда-нибудь мы с тобой разбогатеем и купим тут небольшой домишко? Смотри,

какая благодать! Будем выезжать сюда на все лето, купаться, загорать, пить парное молоко, я – возиться с огородом, ты – ходить на рыбалку...

– Мечтательница! Вообще-то мне казалось, что ты – истинная городская жительница, – пошутил Евгений, но улыбнулся при этом так ласково и обрадованно, что стало понятно: он одобряет Алину идею.

– Городская-то городская, но мне иногда...

Закончить Алевтина не успела, потому что в этот момент случайно выглянула на дорогу поверх сидящего впереди на водительском сиденье Валерия и истошно закричала:

– Осторожно!!!

Валерий от неожиданности резко крутанул руль, «жигуленок» слетел с дороги на обочину и только благодаря мгновенной реакции водителя и его мастерству не перевернулся, когда въехал в колею, а, вынырнув из нее, подпрыгнул и остановился в каких-то двадцати сантиметрах от ствола березы.

– Оооой, – застонала Алевтина, закрывая лицо руками. Мужчины, придя в себя после первого шока, не на шутку встревожились.

– Алечка, что с тобой? Ты ушиблась? Где?!

– Алевтина, ты ударилась?.. – вторил перепуганному Евгению Валерий.

Девушка осторожно отняла от лица ладони и, открыв один глаз, опасливо выглянула в окно.

– Мы не сбили...

Но увидев, что на первый взгляд все в порядке, если не считать того, что машина стоит на краю посадки, оборвала себя на полуслове и поспешно ответила:

– Нет-нет, я не ушиблась! Правда!

Мужчины заметно перевели дух.

– Аля, что случилось? – встревоженно спросил Евгений.

– Мне показалось, что...

Она вновь глянула в окно – с той стороны, с которой сидел Женя. И шурясь внимательно оглядела дорогу. Похоже, ничего страшного Алевтина не увидела, но лицо ее при этом не расслабилось, а приняло еще более напуганное выражение.

– Аля, что?

– Мне показалось, что на дороге стояла девушка и мы неслись прямо на нее, – созналась она с виноватой улыбкой и поспешно добавила: – Померещилось, конечно! Простите, я чуть не стала причиной аварии.

Она произнесла последнюю фразу виноватым голосом и покраснела до свекольного цвета.

– Да ничего, ничего! – бодро ответил Валерий, всем видом стараясь дать понять, что нисколько не сердится на Алю. Бывает!

Евгений же, напротив, не разделял напускной беспечности дядьки и продолжал, морща лоб, вглядываться в лицо невесты.

– Что? – шепотом, почти не разжимая губ, спросила у него Алевтина.

– Ты увидела?.. – начал потрясенно парень, но та состроила «страшное лицо», и Женя послушно умолк на полуслове. Он догадался, что девушка не померещилась Алевтине, но понял, что невеста не хочет говорить на эту тему сейчас, при Валерии.

Дядьке тем временем с трудом, но удалось вырулить машину обратно на дорогу.

– Минут через двадцать прибудем, – объявил он.

– Скорей бы уж, – вздохнул устало Евгений, а Алевтина, бросая нервные взгляды то в лобовое стекло – на дорогу, то в боковое – на мелькающие деревья, сказала:

– Вижу, этот участок трассы не безопасен. Я на нем уже три памятника заметила.

– Да, были тут серьезные аварии, – с неохотой отозвался Валерий. – Наезды, и так машины бились... Только зря, я думаю, памятники вдоль дороги ставят. Отвлекают других водителей.

– Но их ставят еще и с целью предупредить! – вмешался Евгений.

– Да, может быть. Но я считаю, что большинство аварий на подобных участках, которые люди начинают считать «проклятыми», с «плохой энергетикой», спровоцированы как раз тем, что водители отвлекаются на такие знаки. Где поставили один памятник, там скоро и второй возникнет... Не дай бог, конечно! Но все же это так, и нет тут никакой мистики. Ну, естественно, и в самой дороге дело, не только в невнимательности водителей. Вы только посмотрите, какое тут покрытие! Сплошные трещины, выбоины и бугры! Тут бы положить новый асфальт, так сразу бы ситуация улучшилась! Простой выход и ответ на все вопросы. Так нет, деньги народные, которые на ремонт выделяют, уходят куда-то «налево», а люди себе придумывают байки о «нехороших» дорогах, хотя и понимают прекрасно, что дело всего лишь в их ужасном состоянии.

– А вы знаете такие «байки»? Интересно послушать! Расскажите что-нибудь, – с улыбкой потребовала Алевтина.

– Давай, дядь! – подыграл ей Евгений, отлично понявший, что таким образом девушка хочет отвлечься от своих мыслей. – Мой бывший сосед сочиняет в одну «желтую» газету рассказы на подобную тематику. У него даже своя колонка есть! Надо сказать, что пишет он так, что зачитываешься и принимаешь все за чистую монету. Если подкинешь идею, Илья составит из нее целый очерк и тебя помянет как свидетеля происшествия.

– Да ну, не надо обо мне писать, – засмущался Валерий. – Говорю же, что не верю в то, что придумывают люди. Но раз так просите, есть одна история. Мы сейчас к деревне Кедровники подъезжаем, всего пара километров осталась. Да вы ее заметите! Это, пожалуй, единственная по этой трассе деревня, которая располагается вдоль дороги. Так вот, за Кедровниками есть мост. Обычный такой, довольно длинный, через речку, которая в последнее время измельчала, а раньше была глубокой и довольно широкой. Женька знает, сколько раз через этот мост проезжал.

– Это «новый», что ли? – живо откликнулся парень.

– Да, он самый. Так его, «новым», зовут в народе, хотя есть и иные названия, не такие распространенные. Я, например, слышал, другое – «Эллин мост». В честь дочери одного богача, который выделил деньги на строительство. Раньше через реку лежал старый мост, но лет семь назад, когда он пришел в негодность, его снесли и выстроили новый. Этот мост еще невестиним называют из-за традиции проезжать свадебными кортежами семь мостов. Так вот этот, «невестин», последний. Он самый длинный, но именно через него жених проносит невесту на руках.

– Знаем такую традицию, – пробурчал Евгений, которому в скором будущем предстояло нести через мост свою невесту.

Алевтина об этом подумала и покраснела, так как избыточный вес был ее проблемой. Конечно, за последние два месяца она после изнурительных тренировок в спортзале, диет и курса массажа значительно похудела и уже не напоминала ту оплывшую тетку с жировыми валиками, которой была еще недавно, но вес еще оставался далек от идеального. Женя будто прочитал ее мысли, ласково привлек к себе и поцеловал в висок.

– В наших местах рассказывают, что эта традиция возникла благодаря одной легенде. Якобы в старые времена молодец пообещал русалке жениться на ней и обманул, посватался к простой девушке. Но когда свадебный поезд проезжал через эту реку, обозленная русалка похитила невесту. С тех пор, говорят, существует эта традиция – переносить любимую на руках, дабы защитить ее. Это, конечно, сказки, народный фольклор.

– Но послушать все равно интересно, – вставила Аля.

– У этого моста скоро новое имя появится, – продолжал Валерий. – Уже сейчас его называют проклятым, но не из-за той легенды с русалкой, а потому, что на нем произошло несколько странных случаев. Люди прямо из машин пропадали. Стоит себе автомобиль, брошенный посреди моста, а где его владелец – неизвестно.

– Утащен русалкой, – усмехнулся Женя.

– А водителей потом находили? – спросила заинтригованная рассказом Алевтина.

– Кого-то так и не нашли, а кого-то потом обнаружили мертвыми, далеко от моста.

– Ужас какой...

– Да не ужас, Алевтина, а бабкины сказки, – усмехнулся Валерий. – Любому, даже самому странному на первый взгляд происшествию можно отыскать разумное объяснение. Я думаю, что пропавшие люди просто сгинули в реке. То ли сами падали в воду, то ли кто их сталкивал, но, главное, оказывались в реке, которая хоть и измельчала, но пару-тройку опасных омутов насчитывает. А дальше какие-то тела выносило течением, а иные – нет. Вот и все объяснение «феномену». Кстати, вот он, этот якобы неблагополучный мост. Сейчас его проезжать будем.

Миновали они реку без проблем. Мост, как и говорил Валерий, оказался самым обыкновенным, непримечательным, призванным скорее выполнять практические функции, нежели ублажать взгляд эстетически. И все же Алевтина, находясь под впечатлением от услышанного, постаралась рассмотреть его. Женя, который проезжал это место не раз, тоже внимательно разглядывал в окно загадочный мост.

Представлял он собой соединенную из нескольких частей плиту, установленную на парные бетонные сваи, своими основаниями уходившими в воды реки. Проезжая часть моста была поделена на две полосы движения, а по бокам, за бетонными разделителями, шли узкие пешеходные дорожки. Мост был длинным: если встать в самом его начале, противоположный его конец и не видно. Над рекой он возвышался метров на пять, огорожен был невысокими перилами, покрашенными в темно-красный цвет.

– Ну, убедились, что ничего странного здесь нет? – спросил молодежь Валерий после того, как они перебрались на другой берег.

Аля с Евгением молча кивнули.

После благополучного пересечения реки о мосте они больше не вспоминали. Говорили о жизни в столице и провинции, ожидавшейся свадьбе. И хоть последняя тема была интересна девушке, отвечала она на вопросы Валерия о подготовке охотно, все равно не могла избавиться от неприятного осадка, вызванного происшествием на трассе...

– Аля, ты в порядке? – тихо спросил Евгений, от которого не ускользнуло то, что девушка стала рассеянной, хмурилась и уже дважды не услышала обращенного к ней вопроса.

– А? Да, да, в порядке, не волнуйся.

– Что ты увидела на трассе? – так же шепотом поинтересовался он, воспользовавшись тем, что дядя в это время разговаривал по мобильному – сообщал жене о том, что они уже въехали в поселок и через пять минут будут дома.

– Девушку, стоявшую прямо посреди дороги. Подробно описать я ее не могу, так как не успела рассмотреть, заметила лишь, что это была коротко стриженная брюнетка, одетая в брючный костюм. Это сложно передать словами, но я ее не только увидела, но и *почувствовала*. В первый момент приняла за живую. Это уже потом, когда мы сквозь нее проехали, поняла, что девушка на самом деле была призраком. Честно говоря, я думала, что *это* со мной больше никогда не случится, надеялась, что *они* оставили меня в покое, – грустно усмехнулась Аля, и Евгений, сочувственно покачав головой, произнес:

– Я тоже. Ведь это должно было прекратиться вместе с благополучным завершением истории со старым фотоальбомом и пятнами на стенах!

– Как видишь, не закончилось... Что же мне делать, Женечка? Неужели *призраки* так и будут преследовать меня?! – воскликнула Аля, забыв о том, что помимо них в машине нахо-

дится и дядя Евгения. К счастью, Валерий все так же был занят разговором и не слышал, о чем разговаривала молодежь на заднем сиденье.

– Сейчас – успокоиться. Этот единичный случай еще ни о чем не говорит. Девушка могла быть просто обманом зрения...

– Ты мне не веришь?

– Верю, верю! Но пытаюсь убедить тебя в том, что ничего страшного не случилось. Вспомни, умершие не причинили тебе вреда.

– Но напугали как...

– Не желая того. Твой страх вызван ужасным видом призраков и тем фактом, что они действительно существуют! Все, Аля, все!

– И все же мне не хотелось бы, чтобы *это* продолжалось, – твердо заявила девушка, немного успокоенная словами Жени. Ее спутник не успел ничего ответить, потому что в этот момент Валерий окончил разговор и оглянулся:

– О чем секретничаете, молодежь?

Ответом на его заданный веселым тоном вопрос были две беззаботные улыбки.

ДИАНА

Лето оказалось скучным. Вернее, скучным оно стало лишь с сегодняшнего дня, когда Диана встала, как обычно, в восемь утра и вдруг осознала, что ей некуда и незачем торопиться. Обычно в девять тридцать к ней заглядывала соседка Алевтина, и девушки за совместным завтраком оживленно обсуждали подготовку к свадьбе. Подруга во всем советовалась с ней, будь то оформление приглашений, выбор ресторана или фасон платья. После того как Диана поработала над имиджем Алевтины, заставив ту кардинально изменить прическу (расстаться с пережженными «химией» кудельками, сделать модную стрижку и покрасить волосы в медовый цвет), посоветовала ей другой макияж и настояла на обновлении гардероба, соседка решила и при подготовке к свадьбе довериться вкусу новой подруги.

– Ты самый лучший стилист! – искренне восхищалась результатами Дианиной работы Алевтина. – Я будто лет на десять помолодела!

Диана скромно заметила, что дело не столько в новом имидже, сколько в счастливой улыбке, которая сменила привычное хмурое выражение лица Алевтины, и сияющих от любви глазах.

До сегодняшнего утра Диана чувствовала себя нужной, а сегодня, проснувшись без будильника в восемь, по привычке подумала, что надо успеть до прихода соседки привести себя в порядок, разбудить трехлетнего сына, умыться его и накормить завтраком, и в этот момент вспомнила, что подруга не придет, потому что уехала с женихом в провинцию. И день сразу как-то потускнел и облупился, словно поддельная брошь.

Диана без всякого интереса разобралась с утренней рутиной, перебралась парой реплик с переехавшей к ней матерью, собрала сына для прогулки, положила в рюкзачок едва начатый роман и бутылку воды и отправилась на детскую площадку.

День обещал быть душным: уже с утра дышало не прохладой, а подступающим пеклом. Редкое явление в московском климате – установившаяся на долгое время жара. Диана облизала пересохшие губы и, заложив одним пальцем страницу книги, потянулась к рюкзаку за бутылкой воды. Однако, отвинтив крышечку, не сделала глоток, а поискала глазами среди других ребятшек сына:

– Миша! Иди сюда, мама тебе водички даст!

Сын, наблюдавший за тем, как другой ребенок, немного постарше его, лихо раскачивает качели, оглянулся и звонко прокричал, что пить не хочет. И вновь вернулся к своему занятию. Диана жадно сделала несколько глотков и убрала в рюкзак бутылку и книгу. Действие романа ей показалось затянутым, читалась книга тяжело, девушка то и дело спотыкалась о нагромождение высокопарных фраз и длинные описания. Пожалуй, стоило захватить с собой детектив. Но этот роман ей настоятельно советовала прочитать Алевтина, и Диана не могла отказать подруге, хоть подобная литература была не в ее вкусе.

Обхватив ладонями перекладину деревянного сиденья, она слезла ссутулила плечи и вытянула шею, выглядывая сына. Тому, видимо, надоело дожидаться, пока освободятся качели, и он присоединился к небольшой группке ребятшек в песочнице. От других детей Миша невыгодно отличался худобой – результат затяжной болезни – и свежим золотистым загаром, полученным на море. Его пшеничные волосы под южным солнцем выгорели добела, что особо было заметно в контрасте с загорелой кожей. «Осталось откормить, и все будет в порядке», – с улыбкой подумала Диана, любуясь ребенком. Все же она поступила правильно, рискованно увезя его на курорт. Лечащий врач Миши, пожилая строгая женщина, перед поездкой страшила тем, что Диана не довезет ребенка даже до пункта назначения. Но отдых на море пошел мальчику на пользу, вернулся он посвежевшим, поздоровевшим, с набранными двумя килограммами веса, бодрый и почти здоровый. Врач не смогла сдержать своего восхищения.

«Поздравляю, мамаша! Похоже, вы одержали победу» – такая фраза в устах этой скупой на лестные слова женщины казалась выше всяких похвал. Диана со значением улыбнулась. Она-то знала, что дело было не только в дорогостоящем лечении и отдыхе на морском побережье, но и в том, что с помощью новых друзей нависшее над мальчиком родовое проклятие было снято.

Страшное осталось позади, и сейчас, в это оказавшееся свободным от хлопот утро, Диана поняла, что ей пора строить свою жизнь. Кирпичик за кирпичиком возводить новое «здание» на месте старых руин. Ей почти двадцать шесть, но жизненные «счета» пусты, а все богатство составляет маленький сын. Ни любимого человека, ни работы, ни изобилующего трудовыми заслугами резюме, ни образования.

Диана была молода и красива, но привыкла жить, ощущая себя засушенным цветком, потерявшим краски и аромат и сохранившим лишь хрупкую форму. Гнет родового проклятия сделал любовь запретной. Диана была влюблена лишь однажды, родила ребенка, но сама разорвала отношения с любимым. А сейчас, избавленная от оков проклятия, она с таким вкусом, жадностью и ожиданием ловила нетерпеливым сердцем флюиды приближающейся любви, с какими вдыхает воздух свободы узник, приговоренный к пожизненному сроку, но неожиданно помилованный и выпущенный на волю. Недавно, во время поездки на море, у Дианы случился небольшой роман с местным красавцем Владимиром. Не то чтобы острый и страстный, но приятный, закончившийся вместе с каникулами. Диана иногда с улыбкой вспоминала своего курортного поклонника, но не тосковала о нем. Она предчувствовала, что впереди ее ждет настоящая любовь – такая, когда сердце то замирает и сжимается в комок затаившимся зверьком, то превращается в птицу, беспокойно мечущуюся в клетке или взмывающую вверх и резко падающую вниз, то трепещет легко-легко, словно крылья бабочки. А душа то наполняется согревающей, будто глинтвейн, радостью, то томится от неясных ожиданий. И мысли разлетаются воздушными шарами, а в глазах – свет и интригующая грусть, а улыбка загадочна, как у Джоконды.

Такая любовь, которую она уже испытала однажды.

Такая, которая являлась во сне.

Это был секрет, которым Диана не осмелилась поделиться даже с Алевтиной. Да и что можно рассказать подруге? Сон, наполненный живыми сочными красками, напитанный ощущениями и наэлектризованный эмоциями, в сухом пересказе вылинял бы до состояния застиранной тряпки, стал бы плоским и мертвым, как поверхность стола. Рассказывать такой сон – все равно что пытаться посмотреть фильм, созданный в 3D-формате по старому черно-белому «Горизонту». Нет.

Сюжет всегда был одним и тем же. Диана куда-то шла, не зная точного направления и пункта назначения, ориентируясь лишь на свою интуицию. Но тут дорогу ей преграждал дом, и Диана понимала, что прибыла в назначенное место. Девушка входила в единственный подъезд, с любопытством озиралась, рассматривая стены, узкие подъездные двери со стеклами-витражами и высокий потолок, затем с громко бьющимся в предвкушении и волнении сердцем поднималась по винтовой лестнице. Она знала, что в конце пути ее ждут – незнакомец, ни лица которого Диана не видела, ни имени его не знала, но при этом этот человек был для нее таким родным и близким, как если бы она прожила вместе с ним значительную часть своей жизни.

Подниматься приходилось долго, и у девушки начинала кружиться голова от бесконечных крутых поворотов заворачивающейся по спирали лестницы и отсутствия площадок, на которых можно было бы перевести дух. В итоге она подходила к нужной двери. Диана легонько трогала ее, будто собиралась лишь погладить, но дверь открывалась, и девушка входила в полутемный коридор, ведущий в освещенную лишь парой свечей комнату.

Он всегда ждал ее там – возле зашторенного окна, повернувшись к девушке спиной. Диана медленно шла к мужчине, надеясь, что он обернется, но тот оглядывался лишь тогда, когда она подходила настолько близко, что могла приложить ладони к его спине. Он поворачи-

вался, но лицо его скрывала тень, падающая от козырька бейсболки. Диана нетерпеливо протягивала руку, чтобы сдернуть головной убор, но мужчина успевал мягко, но настойчиво перехватить ее запястье одной рукой. Второй же властно привлекал девушку к себе. И только уже после того, как приближал свое лицо к ее так, что почти касался его козырьком, сам снимал мешающую кепку и целовал девушку. И Дианино недавнее желание раскрыть его инкогнито терялось в волнах уже других желаний.

Все, что Диана могла рассказать об этом человеке, – это то, какого вкуса были у него губы, как пахла его кожа, что носил он эти треклятые бейсболки, не дающие ей увидеть его лицо, и что на его правом плече имелось маленькое родимое пятно овальной формы, которое она любила целовать. Да еще запомнилась темно-синяя футболка с эмблемой рок-кафе, в которую незнакомец был одет во вчерашнем сне. И все. Но то, что она ничего о нем не знала, не мешало ей любить этого мужчину. Напротив, такая загадочность лишь подогревала чувства, добавляла специй, распаляла желание.

Просыпаясь после таких сновидений, взмокнувшая, возбужденная, счастливая, она еще некоторое время не открывала глаза, балансируя на грани сна и реальности, трогала пальцем губы, фантазируя, что они на самом деле яркие и чуть припухшие от недавних поцелуев незнакомца, касалась ладонью груди, в которой суматошно колотилось сердце, трогала низ живота, где еще ворочалось разбуженным зверьком желание. «Он придет. Он обязательно придет, уже не во сне, а в реальности», – утешала она себя. В такое утро Диана действительно чувствовала себя влюбленной, улыбалась, напевала, порхала. А на вопросы Алевтины, замечавшей ее состояние, отвечала шутками.

...Предавшись воспоминаниям и мечтам, Диана даже не замечала, что улыбается.

Смотрела на сына, выбравшегося из песочницы и влезшего на деревянную карусель, но видела совсем другие картины. И очнулась лишь тогда, когда подбежавший к ней Миша попросил пить.

«Я тебя все равно найду, – мысленно пообещала Диана незнакомцу. – Ты существуешь в реальности, я знаю. Сейчас ты не хочешь мне открываться, но это лишь потому, что ты ждешь нашей настоящей встречи...»

* * *

Родственники Евгения были милыми и гостеприимными людьми – Женя не приукрасил. Проживали они в небольшом поселке городского типа в старой пятиэтажке, но трехкомнатная квартира оказалась просторной, и в ней недавно сделали ремонт.

Приняли гостей со всем радушием: Светлана, тетя Евгения, приходившаяся его отцу родной сестрой, напекла-наварила-нажарила столько, что можно было досыта накормить целую роту солдат, еще и осталось бы на следующий день. Она обняла Алевтину словно дочь, заявив, что Женя ей – как сын, а значит, его невеста тоже ей родная. Молодежи отвели самую лучшую комнату. В первые минуты знакомства Алевтина еще чувствовала смущение, но очень быстро ощутила себя в этой семье своей.

Помимо Светланы и Валерия, в квартире проживали два их сына – старший, недавно разведенный Игорь, и Руслан – студент-третьекурсник областного технического вуза, прибывший домой на летние каникулы. Братья были похожи друг на друга манерой говорить и жестами, но внешне принадлежали к противоположным типажам. Руслан уродился в отца – был такой же чернобрыйый и черноглазый. Игорь же пошел в мать – невысокий, полный, с круглым добродушным лицом, пшеничного цвета волосами и честными голубыми глазами.

Вечер закончился быстро: после ужина хозяйка предложила гостям отдохнуть, а Евгений с Алевтиной возражать не стали, так как действительно утомились в дороге.

Евгений уснул мгновенно. Аля лежала рядом с ним в пахнувшей цветочным мылом постели совершенно без сна.

Такое с ней редко, но бывало: вот только-только она умирает от желания спать и думает, что уснет раньше, чем коснется щекой подушки, но едва добирается до вожделенной кровати, как понимает, что сна – ни в одном глазу.

Тихо и осторожно, чтобы не разбудить Женю, Аля повернулась на бок, обняла парня руками и уткнулась лицом ему в плечо. Еще каких-то два месяца, и они будут засыпать и просыпаться вместе ежедневно. Щурясь со сна, готовить вместе завтрак, рассказывать за утренним кофе друг другу приснившееся. Строить мелкие планы на день и глобальные – на жизнь. Расставаясь на восемь рабочих часов, прощаться поцелуями так, будто разлучаются на восемь лет, и через пятнадцать минут уже отправлять друг другу сообщения с лишь им одним понятным кодом: «Скучаю... Люблю. Жду встречи!» А в течение дня, ожидая вечера, то и дело бросать взгляд на часы и досадовать, что стрелки движутся так медленно. Встречаться с такой горячностью, как после долгой разлуки, бросаться к друг другу с объятиями, будто в аэропорту, и вновь целоваться. И идти по улице домой, держась за руки, словно подростки.

– Спасибо тебе за счастье, – прошептала Аля в горячее плечо спящего Евгения. Тихонько поднявшись, накинула на плечи легкий халатик, сунула ноги в тапочки и вышла на балкон.

Было душно, несмотря на открытую форточку. Казалось, воздух сгустился до состояния желе. На улице оказалось чуть прохладней, чем в комнате, и Аля, с удовольствием потянувшись, сделала глубокий вдох. Воздух ей показался очень вкусным, совершенно не таким, как в ее загазованном Подмоскovie. Все здесь было по-другому – и тишина, такая глубокая, будто кто-то, повернув невидимую ручку, выключил все звуки в мире, и небо – угольно-черное, и звезды – большие и серебряные, как старинные монеты. В какой-то момент девушке подумалось, что вот это и есть абсолютное счастье. Не шумное, как разгуливающаяся свадьба, не игристое, как шампанское, не бурное, как горная речка. А такое спокойное, гармоничное, идеально круглое. Может, попросить Женю задержаться в этом месте не на неделю, как они планировали, а на две? Конечно, чтобы не стеснять родственников, можно у кого-нибудь снять жилье. В идеале бы подошла комната в деревенском доме у какой-нибудь милой бабульки. Алевтине все не давала покоя идея пожить хотя бы эти семь дней простой деревенской жизнью. А почему бы и нет? Отпуск у обоих только-только начался. Она решила, что утром обязательно поговорит с Женей на эту тему.

Потом она опять стала думать о предстоящей свадьбе. Праздновать планировалось без размаха: лишь ближайшие друзья и родственники. С Жениной стороны приглашенных оказалось куда больше, чем с ее. Из Алиных родных должны присутствовать лишь мама и тетка.

А отец – нет.

...Его она почти не помнила. В последний раз папа навестил свою вторую семью – маленькую Алевтину и ее мать, – когда девочке было три года. В памяти Али осталась картинка: большой и грузный мужчина с застывшими смешинками в зеленых глазах подхватывает ее на руки и подкидывает к потолку. Девочка поначалу пугается, но потом заливисто смеется. А мама, застывшая на пороге, встревоженно предостерегает: «Осторожно! Уронишь!» Отец ставит дочь на пол, одергивает цветастое платьице, которое привез ей в подарок вместе с плюшевым медведем, и, оглянувшись на мать, что-то весело ей басит. Следующая картинка: они втроем сидят за обеденным столом, Аля – на руках у отца. Ей позволено черпать ложкой из его тарелки суп, что она и делает, тщательно выбирая картошку и избегая морковки, которую не любит. Мать с отцом о чем-то вполголоса разговаривают, при этом оба серьезные. Но Аля настолько увлечена вылавливанием из супа картошки, что почти не прислушивается к тому, о чем говорят родители. Правда, в один момент, услышав, что мать упоминает какую-то Надежду, интересуется, кто это. Ее воспитательницу в детском саду тоже звали Надеждой, и маленькая Аля подумала, что речь шла о ней. Мама замаялась, а отец весело ответил, что

Надежда – это другая маленькая девочка, которой тоже три, почти четыре года. Помнится, Алю сильно поразило то, что существует какая-то другая Надежда, не воспитательница, и что папа знает другую девочку такого же, как она сама, возраста. Папа был только *их* с мамой, и точка. Пусть и приезжал очень редко.

В ту же ночь она проснулась от громкого шепота, доносившегося с кухни. Разговаривали родители. А в какой-то момент послышался приглушенный плач мамы. Но когда испуганная Аля уже спустила босые ножки с кровати, чтобы узнать, что случилось, в комнате появился отец. Он вошел тихо, думая, что дочь спит, но увидел ее сидящей на постели. Тогда он решительно подошел к ней и присел рядом на краешек кровати. «Не спится?» – спросил папа, ласково обнимая девочку за плечи. «Там мама плачет», – испуганно прошептала Аля, прижимаясь щекой к отцовскому боку. От свитера пахло табаком и терпким одеколоном, и эта смесь запахов навсегда врезалась ей в память. «Нет, не плачет», – сказал отец так уверенно, что она ему поверила. «Дочка...» – начал он после долгой паузы и осекся. А затем вдруг подхватил Алю на руки и стал укачивать, как маленькую. Так девочка и уснула у отца на руках. Утром она узнала, что папа опять уехал – как уезжал обычно после трех-четырех дней пребывания у них. Только больше он, как Алечка его ни ждала, не вернулся.

Это уже позже, повзрослев, она узнала от матери, что у отца на Севере есть другая семья. Что он до выхода на пенсию был важной «шишкой» в своей области – чуть ли не губернатором. В Москву приезжал в командировку, где и познакомился с Алиной мамой. Первую жену отец не бросил, так как незадолго до появления Али в его семье тоже родилась девочка – та самая Надежда. Почти четыре года он жил на две семьи: постоянно с законной женой и дочкой и два-три раза в год навещая московскую семью. В ту последнюю ночь, когда Аля видела своего отца, мама решила поставить точку в таких отношениях. Она была еще молода и надеялась устроить свою судьбу, а связь с чужим мужем, от которого она родила дочь, не позволяла ей двигаться дальше.

Правда, личную жизнь мама Алевтины все же не устроила, так и жила вдвоем с дочерью. До недавнего времени девушка считала, что связь между родителями оборвалась еще тогда. Однажды она задала маме щекотливый вопрос, знает ли она что об отце, но та ответила что-то резкое, из чего Алевтина заключила, что отец их бросил и не желает о них знать. Тема эта была для нее болезненной, как и для матери, поэтому они ее больше не затрагивали.

Но на днях, убирая в квартире в отсутствие мамы, Аля перебирала антресоли и там, среди ненужных вещей, обнаружила жестяную коробку из-под печенья, доверху наполненную конвертами и открытками. На всей корреспонденции стоял один и тот же адрес отправителя, и подписаны письма были отцом. Но самым шокирующим открытием для девушки стало то, что последнее письмо папа прислал три года назад! Значит, он по-прежнему писал им, отправлял к праздникам поздравительные открытки и даже приезжал в Москву. Об этом было сказано в одном из последних писем, раскрытых наугад. Отец сожалел о том, что не мог задержаться в столице, и просил Алину мать прислать в следующем письме фотографию дочери. Это стало вторым шокирующим открытием: мама поддерживала с ним переписку, но скрывала от дочери.

Алевтина решила не делать поспешных выводов до тех пор, пока не поговорит с мамой начистоту. В тот раз она торопливо затолкала все вытащенные вещи обратно на антресоли, чтобы мама раньше времени не догадалась о том, что ее дочь обнаружила «тайник» с письмами. А потом сделала то, что было совсем не в ее характере: вытащила из жестяной коробки всю корреспонденцию и спрятала у себя с тем, чтобы потом прочитать переписку родителей. До сих пор она терзалась противоречивыми чувствами: нужно было поступить благородно и не совать нос в чужие секреты? Или все же она имеет право знать, почему ее лишили общения с отцом?

Письма она взяла в поездку, потому что дома, при маме, не решалась их достать.

Все эти дни Аля искала оправдания поступку мамы и еще вспоминала их спонтанный переезд три года назад с одной квартиры на другую в пределах поселка. Не может ли он быть

связан с тем, что мама решила изменить адрес и не получать больше письма из Сибири? Ведь сам переезд, с точки зрения Алевтины, был бесполезен, не принес никакой материальной выгоды, они, что называется, поменяли «шило на мыло». Правда, мама уверяла дочь в том, что тот район, в котором они жили, не нравился ей тем, что был излишне шумен.

– Ты чего не спишь? – раздалось вдруг у Али за спиной, и девушка от неожиданности вздрогнула.

– Прости, не хотел тебя напугать, – смутился появившийся на балконе Женя.

– А ты чего не спишь? – вопросом на вопрос ответила она.

– Проснулся оттого, что тебя нет рядом. Да и жарко невыносимо.

– Мне тоже не спится от жары. Вышла проветриться и задумалась.

– О чем? – полюбопытничал парень, переступая босыми ногами. В отличие от Али, он вышел на балкон в том, в чем и спал, – лишь в одних «боксерсах». И теперь чувствовал себя немного неловко, но обрывать разговор ради того, чтобы вернуться комнату и одеться, постеснялся.

– Да так... О нашей семейной истории, – улыбнулась Аля и прильнула к парню. Тот с готовностью обнял ее за талию. Так они и стояли в полной тишине, любуясь звездным небом и наслаждаясь обществом друг друга, пока Аля не нарушила молчание:

– Знаешь, Женя, я все вспоминаю то происшествие на трассе.

– Ты о девушке? – с готовностью откликнулся Евгений. И судя по тому, с каким энтузиазмом он спросил, тема эта его тоже волновала.

– Да. Я видела ее на самом деле. Веришь?

– Конечно!

Еще бы не верить, когда он сам недавно стал свидетелем, как Алевтина вступила в контакт с духами. Более того, он же по просьбе друга Ильи проводил эксперименты с записью «потусторонних» голосов на магнитофонную пленку.

– Как я уже сказала, все произошло настолько быстро и внезапно, что я ее не рассмотрела. Заметила лишь, что это была молодая девушка, коротко стриженная брюнетка в перепачканном грязью брючном костюме. Нарядная, будто собралась на праздник.

– Думаешь, это одна из жертв автокатастрофы, случившейся на этой дороге? – предположил Евгений.

– Возможно. Но сейчас меня волнует не столько история этой девушки, сколько то, что мои способности видеть умерших не пропали вместе с разгадкой появления таинственных пятен на стенах в моем доме. А я-то ведь считала, что все закончилось!

– А с тобой раньше, до истории с пятнами, ничего подобного не происходило? – задал уже давно мучивший его вопрос Женя.

– Нет... – как-то неуверенно ответила Алевтина, крепче прижимаясь к парню, будто ища у него защиты. – Нет, Женя. Я считала, что мои способности возникли временно – ради того, чтобы помочь Диане и спасти жителей нашего дома от катастрофы. А получается, что я и дальше продолжаю видеть умерших не своей смертью.

– Тебе надо покопаться в своем прошлом, – предложил вдруг Женя. – Найти ту отправную точку, с которой все и началось. Может, с тобой произошло что-то серьезное, благодаря чему открылись такие способности? Ну, например, ты попала в аварию, пережила клиническую смерть или еще что-то в этом духе?

– Нет, Женя, нет. Я сама об этом сегодня думала, но ничего подобного не припомню. Я жила все эти годы ровно, без потрясений и катастроф. Да и со здоровьем все было в порядке. Мне бы хотелось найти настоящее объяснение происходящему, понимаешь?

– А может, его и нет – объяснения? И сегодняшний случай лишь совпадение? Многие люди видят призраков, не обязательно «избранные». Эта дорога – нехорошая, думаю, не только тебе являются те, кто погиб на ней.

– Да, возможно, – рассеянно протянула Аля.

– Пойдем-ка спать, – ласково взъерошил ее стриженные волосы Евгений. – А то, глядишь, так и проведем время до утра в разговорах. Конечно, разговаривать с тобой – одно удовольствие, но, боюсь, тогда мы не выспимся. Ты очень устала...

– Не больше, чем ты, Женечка.

– Хитришь, – в темноте она различила его улыбку. – Аля, нужно отдохнуть, потому что впереди нас ждут суматошные дни!

Женя как в воду глядел, говоря так. То, что случилось через два дня, действительно наполнило их пребывание здесь суетой, но отнюдь не счастливой.

ИЛЬЯ

Так как поездка отменилась, Илья решил посвятить отпуск домашним делам. Уже два месяца в его квартире шел ремонт, а сам Илья в это время жил у Варвары. Он планировал привести в порядок свою «однушку», продать ее, купить квартиру куда большего размера и переехать туда уже с Варей и сыном.

Но ремонт все затягивался и затягивался по причине того, что некому было следить за рабочими и подгонять их. Вот уже в течение двух месяцев, заезжая в свою квартиру после работы дважды в неделю, Илья каждый раз заставлял одну и ту же картину: сколотую с кухонной стены старую плитку, вытащенную прямо в коридор, множившиеся кучи мусора, неотмываемые на первый взгляд следы от рифленых подошв чужих ботинок. И никаких продвижений в сторону облагораживания квартиры. И так изо дня в день. Из недели в неделю. Илья звонил бригадиру и ругался матом, бригадир, лениво растягивая слова, говорил, что все «идет пучком». Иногда строитель звонил сам и сообщал, что они «не укладываются в бюджет» и на закупку «гвоздей» потребуется еще столько-то и столько-то. Илья в ответ опять ругался, орал, что разгонит всех на фиг, что больше не даст ни копейки, и грозился приехать на следующий день с ревизией. Но, как обычно, поездка откладывалась, потому что сразу после работы он отправлялся на противоположный конец Москвы забирать Варю из лаборатории. Потому что, если за Варварой не заехать, она так и останется ночевать среди своих пробирок и колб. А потом уже вместе они спешили к родителям Варвары за сыном.

Илья уже пятнадцать раз пожалел о том, что затеял эту эпопею с ремонтом. Надо было выставлять квартиру на продажу в том виде, в каком она находилась, пусть в ней и не делался ремонт лет двадцать. Больно видеть, как чужие руки варварски ломают тот уют, который когда-то создала еще его бабушка.

Но сейчас, пользуясь тем, что поездка отменилась, Илья решил наверстать упущенное и взять все в свои руки.

Он вставал с Варей по будильнику и вместе с ней завтракал. Потом, пока Варвара одевалась и приводила себя в порядок, готовил два пакета с бутербродами: один – для себя, второй – для своей любимой, потому что, если за ней не проследить, она так и улизнет на работу без еды, и не факт, что, увлеченная своим делом, вспомнит об обеде.

Позаботиться о себе Варвара могла, готовила она тоже вкусно... Когда не ставила новых опытов, с которыми забывала обо всем.

После завтрака Илья отвозил Варю в ее НИИ, а затем ехал в свою квартиру – следить, как идет ремонт.

Сегодня, увидев, что дело потихоньку движется, он решил не контролировать весь день рабочих и их бригадира, а сделать перерыв и нормально пообедать. Хватит, и так уже два дня питался одними бутербродами. Неподалеку от дома находился ресторан с хорошей грузинской кухней, в котором Илья еще так недавно, до переезда к Варе, частенько обедал по выходным. «Надо будет как-нибудь пригласить в него Варвару, – подумалось ему. – А почему бы не сегодня? Заберу ее вечером с работы и привезу сюда».

Он спустился во двор. После прохлады подъезда улица показалась парилкой. Жара стояла невыносимая. Илья брезгливо оглядел свою футболку с пятнами пота на груди и пожалел, что не взял с собой сменную одежду. Мало того, что изрядно вспотел, так еще и строительная пыль осела на влажной темной ткани белесыми разводами. Пятна, только не белые, а темно-серые, покрывали и его светлые кроссовки. Джинсы же казались такими грязными, будто их, не снимая, проносили год, хотя Илья утром надел их только после стирки.

– О, черт, – тихо выругался он себе под нос. Конечно, хозяин, гостеприимный грузин Давид, его знает и будет рад ему, но все же Илья посчитал неприличным являться в ресторан в

таком виде. Пожалуй, пообедает он в какой-нибудь забегаловке, а вечером заедет домой, примет душ и переоденется. И уже после этого с Варварой приедет сюда поужинать. Илья решил зайти только на минуту, чтобы узнать, найдутся ли вечером свободные столики. Ресторан пользовался популярностью, и для того, чтобы наверняка получить место, нужно было резервировать его заранее.

В тот момент, когда Илья уже подходил к высокому крыльцу с выставленными на нем в качестве декора винными бочками и кадками с растениями, в его кармане запиликал мобильный.

Диана. Давненько она не объявлялась. От Евгения Илья знал, как у нее дела, но вот сама Диана звонила ему очень редко. Стеснялась, что ли...

– О, какие люди в Голливуде! – радостно поприветствовал он девушку. – Какими судьбами?

– Звоню, чтобы узнать, жарко ли сейчас в Карелии так, как у нас?

– А фиг его знает, как там в Карелии, – рассмеялся Илья. – Я нахожусь отнюдь не в лучших условиях, потому что никуда не поехал. Плавлюсь в Москве, слежу за тем, как идет ремонт в квартире.

– А что так? Ты же ведь собирался с Варварой уехать!

– Собирался. Но у этой чудесной девушки, как всегда, приключилась работа. Ее просто не отпустили. А куда я поеду без нее?

– Ясно, – протянула Диана. Вроде бы и сочувственно, но вместе с тем и обрадованно. – В таком случае, может, когда-нибудь пообедаем или поужинаем все вместе? Хочется вас увидеть.

– Обязательно! Почему не сегодня? Я как раз собрался на обед. Может, составишь компанию?

– Ммм, с удовольствием... – промурлыкала Диана. – Но ты опоздал с приглашением! Я собиралась пообедать с любимым мужчиной.

– О-о! – многозначительно протянул Илья, но не успел поздравить приятельницу с обретением «любимого мужчины», как та уточнила:

– Остается уговорить этого мужчину собрать с полу игрушки, оставить в покое бедную стиральную машинку, которую он за утро уже три раза успел запустить вхолостую, затем отмыть от красок, которыми он разрисовал не столько альбом, сколько стены и себя любимого, и – вперед!

– А, так ты имела в виду...

– Ну конечно! – В трубке раздался веселый смех. – Мишку – своего трехлетнего мужчину. А ты что подумал?

– Фу ты ну ты, Диана! Я уж тебя поздравлять собрался. Как, кстати, чувствует себя этот маленький мужчина?

– Прекрасно! Настолько, что сладу нет с его активностью и любопытством. Новый магнитофон разобрал до винтиков, телевизор тоже сломал, пытаюсь понять, как «тетя залезла внутрь». Теперь, похоже, до стиральной машинки добрался. Чтобы окончательно ее не добил, отвезу-ка его сейчас в «Макдоналдс».

– В Москву? – поинтересовался Илья, думая о том, что хотел бы увидеться с Дианой и ее сынишкой.

– Нет, в местный. Пригласила бы тебя, но не знаю, поедешь ли ты в такую даль.

– Ну, еще недавно частенько мотался в ваши края, – усмехнулся Илья, намекая на историю с «ликами». – Я на машине, Диана, не забывай.

– Замечательно, – обрадовалась девушка. – А я за обедом расскажу тебе кое-что интересное! Мне звонила Алевтина, они там в непонятные приключения попали.

– Что случилось? – встревожился Илья.

Его бывший сосед с невестой уехали всего два-три дня назад, счастливые, беззаботные. Что у них стряслось?

– Нет, с ними все в порядке, – поспешила успокоить Диана. – Что-то с братьями Жени. Да и Аля мне кое-что рассказала, что бы тебя могло заинтересовать. Встретимся, узнаешь подробности.

– А по телефону?

– За обедом, Илья, – засмеялась Диана.

– Так нечестно! – возмутился он. – Диана, не ты ли пишешь сценарии к «мыльным операм»? Умеешь интриговать!

– А ты смотришь «мыльные оперы»? – невинно поинтересовалась она. И когда Илья в ответ фыркнул, рассмеялась: – Ладно, ладно, не сердись. Илья, лучше и в самом деле поговорить при встрече. Когда тебя ждать?

Парень бросил взгляд на часы: половина второго. Заходить домой принимать душ и переодеваться, как он хотел изначально, нет смысла, дорога отнимет много времени. Проще уж ехать так, как есть. Он еще раз мельком оглядел себя и сокрушенно поджал губы. Конечно, грязная одежда – не смертельно, в его походном прошлом всякое бывало: и в болото проваливался, и штаны о ветки рвал, в общем, и не таким чертом ходил. Но одно дело – походные условия, другое – встреча с девушкой, пусть и с подругой.

– Илья? – позвала Диана, не дождавшись ответа. – Когда ты приедешь? Мне нужно еще сына собрать.

– Через час, – ответил он. Дорога сейчас должна быть свободной – значит, займет сорок-сорок пять минут. Плюс пятнадцать минут на то, чтобы забежать в торговый центр, высившийся за зданием, в котором находился ресторан «Сулико».

– Ладно. Подъезжай к подъезду, мы с Мишей будем тебя во дворе ждать: этого непоседливого ребенка пора вывести из четырех стен на воздух.

Попрощавшись с Дианой, Илья, так и не зайдя в «Сулико», обогнул здание и торопливым шагом направился в торговый центр. На втором этаже в секции мужской одежды он схватил первую попавшуюся футболку темно-синего цвета с какой-то эмблемой, затем умылся в туалете, переделся и почистил кроссовки. Перед выходом забежал в отдел детских товаров и купил Мише в подарок большой самосвал, конструктор и какого-то фантастического робота с кучей «стрелялок» и «мигалок». Выбирая ребенку игрушки, Илья представлял, что покупает их собственному сыну. Семь лет выпали, как плитки из панно, оставив вместо фрагмента узора черное пятно. Или словно из золотой оправы вылетел бриллиант, а на его место поставили стекляшку. Илья прожил эти годы не задумываясь, насколько ценными они были. На что он потратил их? На карьеру. Не так уж плохо – ему удалось добиться успеха, материального благополучия, купить машину и накопить на банковском счете кругленькую сумму. Но была ли эта работа любимой? Нет.

На что он еще потратил это время? На девушек, несерьезные связи. Любил ли он хоть одну из этих подруг по-настоящему? Нет. Любил лишь Варвару. Но чуть не женился на последней девушке, с которой «продержался» целых два года. Не по любви, а потому, что ему исполнилось тридцать и надо было что-то делать – и с этими двумя годами забуксовавших отношений, и с суммой на счете, которую хотелось потратить на обустройство уютного гнезда.

Семь лет...

Все это время Илья даже не знал, что у него есть сын. Простил ли он это молчание Варе? Или просто убеждал себя в том, что простил, ведь в душе нет-нет да и поднималось негодование. Не слишком ли суровое наказание за ошибку молодости – легкомысленно брошенную фразу, принятую девушкой как приговор?

Сложные чувства одолевали его – с одной стороны, он знал, что Илья-младший – его родной сын. Но с другой – этот мальчик был ему, по сути, все еще чужим, так же как и он

ему. Они подружились, проводили вместе вечера и выходные в мальчишеских играх, смеялись, несерьезно спорили, обсуждали кино и компьютерные игры-«стрелялки» до хрипа. Но их отношения оставались скорее братскими, а то и просто приятельскими. Илье все еще сложно было осознать себя отцом этого мальчика. Да и отцом вообще. Он не держал на руках теплый сопящий кулек, не просыпался по ночам от требовательного детского крика, не переживал за сына, когда тот болел, не слышал его гуления, не радовался его первым шагам, не видел, как он рос. Даже в первый класс, черт возьми, его отвел не он. Откуда взяться отцовским чувствам – *настоящим*, естественным, а не выращиваемым искусственно, торопливо, «по долгу»? Сейчас его чувства напоминали Илье тепличный помидор, который доводят до зрелости искусственным поливом, освещением, удобрениями. И всем хорош плод – округл, упруг, краснобок. Но вот сердцевина – водянистая, безвкусная, лишенная сладости и аромата. То ли дело помидор, выросший под открытым небом, естественно. И пусть он во внешних качествах проигрывает тепличному, но мякоть его, впитавшая росу и дождевые капли, мясиста и сладка, и пахнет он солнцем.

Илюшку Шахов любил. Его нельзя было не любить – смышленного, самостоятельного, немного смешного, обаятельного, похожего на него самого черным вихром и прищуром синих, как у матери, глаз. Но, глядя на этого мальчишку, Илья каждый раз думал о том, что все это упущенное время ребенок называл папой совсем другого мужчину. А его, Илью, продолжает звать по имени, хоть Варвара и рассказала сыну, кто приходится ему настоящим отцом. Наступит ли тот день, когда между ними установятся настоящие сыновье-отцовские отношения? Сложно сразу принять тот факт, что ты являешься отцом семилетнего мальчика, которого до этого ни разу не видел и даже не знал о его существовании.

Задумавшись, Илья не сразу расслышал, что у него спрашивала продавщица. Ей пришлось повторить вопрос: завернуть покупки в подарочную упаковку?

– Нет, не надо, – отказался Илья. Увидев на полке большого плюшевого медведя с бантом на шее, попросил дать и его.

Уже расплачиваясь, Илья заметил в секции спортивных товаров велосипеды и подумал, что обязательно купит сыну один из них. Себе и Варе тоже, чтобы они вместе могли совершать воскресные велосипедные прогулки.

С покупками в руках, погруженный в свои мысли, Шахов направился к выходу и чуть не сбил с ног идущую ему навстречу девушку. Красотка была очень эффектной – в коротеньком топике, обнажающем загорелый живот с алмазной капелькой в пупке, в микроскопических джинсовых шортах, открывающих идеальной формы ноги, с эффектно распушенными по плечам светлыми волосами. Но Илья даже не обратил на нее внимания, лишь машинально извинился, не поднимая на девушку глаз, и вышел на улицу. Он не видел, что красавица вначале растерянно замерла, потом бросилась ему вслед, но в дверях остановилась и двинулась уже дальше медленней, крадучись.

Если бы Илья оглянулся, он бы увидел, что девушка, которая шла теперь за ним, – его бывшая невеста Лена. И встреча в этом магазине была почти не случайна.

* * *

Этот день начинался так же счастливо, как и два предыдущих, которые Аля проводила в гостях у родственников Евгения. Встали они рано, несмотря на то что спать ушли далеко за полночь. Вечерние посиделки на кухне с чаем и домашней выпечкой, которой баловала гостей и семью Светлана, сделались уже маленькой традицией. Засиживались до глубокой ночи. За этими ночными чаепитиями бывало так смешно, так весело, так интересно, что становилось жаль тратить ночь на сон. Потом, зимними вечерами, Аля сможет вспоминать эти темные душ-

ные ночи и согреваться воспоминаниями, как горячим вином с корицей, лечить ими хмурое простудное настроение и подпитываться энергией, как от батареек.

Вчерашнее утро почти ничем не отличалось от предыдущих: Светлана с Алевтиной после завтрака вместе убрали на кухне и затеяли рыбный пирог, мужчины в лице Валерия и Евгения отправились к реке – присмотреть место для рыбалки, Руслан с Игорем взяли машину и поехали по каким-то делам в город.

Алевтина весело болтала со Светланой, как с равной по возрасту подругой. Делились рецептами и кухонными советами, рассказывали о себе, вспоминали какие-то семейные истории. Аля в какой-то момент подумала, что так и не удосужилась прочесть письма родителей, лишь рассортировала конверты по датам, но решила, что займется чтением позже – сейчас ей было не до семейных тайн, она купалась в счастье другой семьи, которая приняла ее как родную.

Обедали вчетвером, так как братьев что-то задержало в городе, и они не успели к назначенному часу.

Но когда они не вернулись и к ужину, семья беспокоилась. Ночь, звенящая нарастающей истерикой и пахнувшая корвалолом, прошла в ожиданиях и уговорах, что братья задержались потому, что сломалась машина, а позвонить не смогли по причине того, что разрядились мобильные.

Но прошла ночь и наступило утро, а новостей так и не было. Машину не нашли, ребят – тоже. В сводках аварий за последние дни автомобиль с такими номерами не фигурировал (как выяснилось, за последние сутки на этой трассе вообще не было аварий, даже мелких). В больницах пациентов с приметами Игоря и Руслана не оказалось. Тела тоже обнаружены не были, что давало надежду на то, что братья живы.

Однако они не вернулись и к обеду следующего дня.

ЛЕНА

Лена так и не смирилась с тем, что Илья бросил ее почти перед тем, как сделать предложение. Все было хорошо – и тут на тебе! Ушел к другой женщине и сыну. Неизвестно, что больше потрясло девушку – известие о том, что Илья уходит от нее, такой красавицы, к какой-то неизвестной женщине, или то, что у него оказался «багаж» в виде незаконнорожденного сына. «А твой ли он?» – в запальчивости выкрикнула девушка после того, как первый шок прошел. Но Илья так глянул на нее, что от дальнейших колкостей она удержалась.

Самым ужасным было то, что Илья исчез. Переехал к своей новой пассии и пропал. Поначалу Лена подозревала, что разлучницей стала химичка, с которой она однажды его застукала в кафе. Но Илья, боясь за Варю, опроверг ее догадки. И Лена поверила: ну в самом деле, сложно было представить рядом с ним – видным парнем – такую обыкновенную девушку из какого-то нищего НИИ.

Лена искала Илью. Она и в самом деле не оставляла надежды, что произошло какое-то недоразумение, «любовь» у Шахова закончится быстро и вернется он обратно к Лене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.